

2

Я НИКОГДА НЕ

В неизвестных морях я мечтал о далекой родной земле,
Встречал встающее из глубин бесконечное солнце.
Я вдруг осознал. Оно будет жить, а мы все превратимся в тлен.
Я вдруг осознал, мы уже никогда никуда не вернемся.

Может ли разум осознать себя, если не встретился с другим разумом? Могу ли я считать себя разумным? Я даже не всегда понимаю, что есть я.

Иногда мне кажется, что я сплю и никак не могу проснуться. Иногда мне кажется, что я сплю тысячу лет или даже больше. Я так далек от всего.

Я так далек от людей.

Все смотрели на меня.

— Только от метро до моего дома минут двадцать пешком,— сказал я.

Мне показалось, что прошло так много времени, что за окном мог бы наступить очередной ледниковый период.

— А что? Пойдемте,— сказал Артем и подошел ко мне. Очень близко.— А у тебя родаков дома нет?

У него немного пахло изо рта, и я осторожно отодвинулся.

— Нет,— ответил я.— Мама только в конце недели приедет.

— О'кей. Тогда двинем к Лехе,— сказал он всем и хлопнул меня по плечу. Последнее, на мой взгляд, было лишним.

Раздались одобрительные возгласы, а кто-то тоже похлопал меня по плечу.

Я вспомнил, что надо улыбаться.

— Кстати, я Саша Соколов,— фенотипически идеальный парень, который сказал обо мне «подумаешь», протянул мне руку.

Мне очень не нравился этот бессмысленный ритуал, но я все же пожал ему руку.

Так. Алина, Артем, Гриша, Саша Соколов. Надо запомнить. Имена я запоминал гораздо легче, чем лица.

Ко мне подошла Алина и спросила:

— Можно моя подруга из девятого тоже пойдет?

Я кивнул.

— Отлично,— она улыбнулась и вышла из класса.

А я смотрел ей вслед. У нее были прямые волосы до середины спины.

— Что, крутая задница? — спросил Артем.

Он говорил очень громко. Наверное, боялся, что его не услышат.

— Заткнись, Хвостов,— она обернулась к Артему и показала средний палец.

Он захихикал.

— Сами так одеваются, чтобы все пялились, а потом еще нас обвиняют.

— Может, она так оделась для себя, а не для того, чтобы на нее смотрели,— сказал я.

— Да ладно. Телки так не делают. В общем, двинули.

— Куда двинули?

— Куда-куда? К тебе.

И мы двинули.

По пути к метро под дождем со мной познакомились остальные одноклассники, имен которых я не знал. Другая новенькая — Надя Соловьева. Стройная, изящная, похожая на эльфа. Только не толкиновского, а какого-то кельтского. На феири. Только волосы темные. Ее мне представил Артем Хвостов и, когда она отошла, сообщил, что вдул бы ей.

Самый длинный парень в классе — Юра Бережков. Друг Артема Хвостова Гриня шепнул мне на ухо, что Юрка стремный пацан, но терпеть можно.

А Алина позвала с собой подругу из девятого класса, миниатюрную и очень похожую на Белоснежку. У нее было красивое имя — Соня Ильвес.

Осталось только их всех запомнить. Умная, красивая и с длинными волосами — Алина Шишкина. Громкий и мелкий — Артем Хвостов. Идеальный фенотипически — Саша Соколов. Крупный, похожий на тролля — Гриша. Фейри — Надя Соловьева. Самый длинный — Юра Бережков. Белоснежка — Соня Ильвес.

Гриша нес рюкзак, в котором звякали бутылки. Очевидно, те самые «две бутылки вискаря».

Нас восемь человек. Непривычно много.

Мы ехали в метро с «Сухаревской» на «Ленинский проспект», и уровень моего энтузиазма понижался с каждой станцией. А что будет, если они что-нибудь сломают? А что, если придет Людмила Сергеевна? Конечно, она обещала прийти только через два дня, но она могла решить, что я один не справляюсь.

Но деваться было некуда. Я уже пригласил их.

Но я очень надеялся, что на этот раз все будет по-другому. Может, хоть в этой школе я найду друзей?

Когда мы вышли из метро, с неба все еще лилась вода.

Люди говорят в таких случаях, что идет дождь. Но куда он идет? Он не идет, он падает. Капли диаметром от 0,5 до 7 миллиметров выпадают из облаков, летят вниз и разбиваются о поверхность земли.

Когда мы ехали в троллейбусе, мои одноклассники разговаривали друг с другом, а я молчал. Они постоянно меняли тему разговора. Сначала про школу, потом про кино, про музыку, про алкоголь. Я даже не успевал формулировать ответы, как они начинали говорить на другую тему.

Они были такие непринужденные. Словно кто-то выдал им сценарий, и они легко его выучили.

Но все обстояло гораздо проще — им не нужен был сценарий. Он был нужен только мне.

Мы вышли из троллейбуса и пошли ко мне домой.

— А ты на Ленинском прямо живешь? — спросил Саша Соколов.

Я кивнул.

— Круто,— ответил он.— У нас Веревкина тоже на Ленинском живет. Ну ботанка которая. Сидит на первой парте в гордом одиночестве.

Я снова кивнул.

— А магазин где? — толкнул меня в плечо Гриша.— Надо запивку купить.

— Магазин есть прямо в моем доме,— сказал я и показал рукой на небольшую пристройку к дому.

— Круто,— ответил он и отошел.

Мы зашли в магазин, и мои одноклассники купили чипсов, сухариков и газированных напитков. А потом я повел их к себе. В лифте нам пришлось ехать двумя группами. Я ехал с первой.

У меня снова задрожали руки, а сердцебиение участилось. Раньше я никогда не водил одноклассников к себе домой.

Один раз, еще в Санкт-Петербурге, я пригласил домой девочку из параллельного класса, но это был неудачный опыт. Я не знал, о чем с ней говорить, и мы весь вечер смотрели мультсериал про пони, дружбу и магию. Мне не понравилось, потому что там были очень яркие цвета.

Я попал в замок ключом только со второго раза, потому что у меня тряслись руки. Мы зашли в шлюз (некоторые называют это место карманом, тамбуром или предбанником, но правильного названия я так и не узнал), а потом в квартиру.

В прихожей было не очень много места, и мне пришлось сойти с коврика на пол прямо в уличной обуви. Остальные тоже прошли дальше.

— Пожалуйста, разувайтесь на коврике,— попросил я.

Мои новые одноклассники разулись и разбрелись по квартире.

Я хотел собрать их в гостиной, но тут приехали остальные. Их я тоже попросил разуться на коврике в прихожей, но почти все прошли в коридор прямо в обуви.

— А куда теперь проходить? — спросила Алина.

— В зал, — ответил я. — Направо.

Но оказалось, что Артем и Гриша зашли в мою комнату. С ними был Юра Бережков. И они втроем разглядывали стены.

Я не хотел, чтобы кто-то заходил в мою комнату, но было поздно. Почему-то я почувствовал себя голым.

Надо было заранее снять все, что висело у меня на стенах.

На одной стене висела подробная схема геохронологических эпох, длинный список человеческих открытий (от укрощения огня до изобретения протезов конечностей), таблица событий от Большого взрыва до полета человека в космос и генеалогическое древо предков человека разумного (с картинками), начиная с первого гоминида, который встал на две ноги три с половиной миллиона лет назад. Оно было моей гордостью, потому что я следил за новостями в этой области и добавлял новые виды. Сначала у меня не было *Homo denisova* и *Homo floresiensis*, но потом я вписал и их.

Юра Бережков рассматривал мой стеллаж. На одной полке лежали окаменелости (трилобит, аммонит и древнее дерево), на другой тектит и метеориты (лунный, марсианский, три хондрита, ахондрит и палласит), а на остальных — книги, которые я привез из Санкт-Петербурга.

— А это что? — спросил Гриша, указывая на эволюционное древо человека.

Вопрос был странным, потому что и так было понятно, что это. Но я все же ответил:

— Генеалогическое древо человека разумного.

— Гинекологическое древо, — сказал Гриша и засмеялся. — Эй, Темыч, зацени.

— И че? — спросил Артем.

— Смотри, хомо эректус. Это, наверное, педик, у которого всегда стоит.

Они оба засмеялись. Юра Бережков тоже подошел и засмеялся.

— *Homo erectus* — это человек прямоходящий, — сказал я.

— А зачем ему ходить? — спросил Артем и снова засмеялся.

— Ну вы идете? — в комнату зашла Алина. — Там все уже на столе.

Я подождал, пока все выйдут, и закрыл дверь в комнату.

В зале действительно все оказалось готово. Мои одноклассники купили одноразовую посуду — тарелки и стаканчики и расставили их на столе. В стаканах была темная жидкость с пузырьками, а в тарелках чипсы и сухарики.

— А где телек? — громко спросил Артем.

— Мы не смотрим телевизор, — ответил я.

У нас в зале все было просто — большое окно, светлые стены, диван, журнальный столик, банкетка и барная стойка у стены.

— Как это так? А чем вы занимаетесь?

— Ну... разным. Мама в основном работает, а я читаю. Если нужно что-то посмотреть, то я могу на компьютер скачать и посмотреть.

Мне вручили стакан.

— Ну давайте, — Гриша Зыбин дал мне стакан. — За первое сентября.

Все подняли свои стаканы и чокнулись.

Чокаться — такое странное слово. Значит, сходить с ума. Почему оно используется таким образом?

Пока все пили, я просто понюхал напиток. Он мне не понравился, и я только сделал вид, что выпил.

Тогда остальные уселись на диван и кресла. Сам я сел на банкетку, держа в руках стакан.

— А музычка у тебя есть? — спросила Надя Соловьева, похожая на фею.

— Нет. Прости, — ответил я.

— Ясно, — сказала она и поджала губы.

Мои новые одноклассники расселись и начали говорить друг с другом. Они снова говорили обо всем подряд, постоянно меняя тему разговора.

Я молчал и наблюдал. Подруга Алины, похожая на Белоножку, тоже молчала. Она сидела рядом с Алиной и смо-

трела в окно. Периодически она отпивала из своего стакана и морщила нос.

Я не пил то, что мне налили, потому что никогда не любил газированные напитки. Я просто смотрел на остальных, и это не так уж плохо. Мои одноклассники у меня дома, мы сидим вместе почти как... как друзья.

Раньше я иногда закрывал глаза и представлял, что у меня есть друзья. А сейчас мне даже глаза закрывать не надо было.

Гриша обошел остальных и налил им еще виски и кока-колы. Я старался не морщиться, представляя вкус этой смеси. Но остальные пили, даже Алина.

А я смотрел. Просто смотрел.

Мне было хорошо.

— Давайте играть в «Я никогда не...»,— громко сказал Артем.

— Давайте. А как это? — спросила Надя Соловьева.

Они сидели рядом, и Артем обнимал ее за плечи.

И как у людей так быстро получается начать неформальное общение?

— Ну, короче, кто-нибудь говорит: я никогда не пил вискарь. А если он пил, то должен выпить.

— Я не поняла,— нахмурилась Надя Соловьева.

С другой стороны от нее сел Саша Соколов и продолжил объяснять:

— Ну смотри, Надь. Например, я говорю: я никогда не прогуливал. Те, кто никогда не прогуливал, не пьют. А те, кто прогуливал, делают глоток. Так понятнее?

— Кажется, да,— она улыбнулась.

Саша Соколов улыбнулся ей в ответ. Они смотрели друг на друга около трех секунд. Дольше, чем обычный обмен взглядами. Артем в это время хмурился.

Кажется, я наблюдал начальную стадию ухаживания. И это почти ничем не отличалось от того, что происходит в животном мире. Особь женского пола выбирает из двух самцов.

Логичнее было бы выбрать Сашу Соколова. У него широкие плечи и атлетическое сложение, а у Артема еще даже голос не до конца сломался.

Забавно все-таки люди говорят: «сломался голос».

— Ну начнем,— сказал Артем.— Я никогда не курил.

Все представители мужского пола выпили, а из девушек выпила только Соня Ильвес.

— Да ладно,— со смехом сказал Саша Соколов.— Ильвес курила?

— Пробовала на даче,— она криво улыбнулась.

— А что ты еще на даче пробовала?

— Играй дальше и узнаешь.

— Ладно. Ну, например, я никогда не целовался.

На этот раз выпили все, кроме меня и длинного Юры Бережкова.

— Становится интереснее,— Саша Соколов засмеялся.—

Теперь пусть Надя что-нибудь скажет.

Надя Соловьева похлопала глазами.

— Я не знаю, что придумать.

— Да что угодно.

— Ну, например, я никогда не прогуливала.

Выпили все, кроме меня.

— Ты серьезно никогда не прогуливал? — спросил Саша Соколов.

Я помотал головой.

— Да ладно. Такие еще остались? Ты просто вымирающий вид.

Я заставил себя улыбнуться. Если бы вид. Так я же со всем один.

— Пусть Леха скажет теперь.

Мне стало не по себе.

Очевидно, я молчал слишком долго, потому что Артем сказал:

— Да придумай что угодно. Ты можешь сказать что-нибудь, что уже делал. Просто выпьешь.

— Э-э... Я никогда не нырял с аквалангом,— сказал я.

На этот раз не выпил никто.

— Ну так неинтересно,— Артем махнул рукой.— Надо говорить всякое такое... ну понятно какое.

Мне не было понятно, какое такое.

— Пусть Шишка теперь говорит,— сказал он.

Алина подняла глаза и еле заметно улыбнулась. У нее были очень красивые губы.

— Я никогда не играла в бутылочку.

Оказалось, что она играла в бутылочку. Не играли только я и Юра Бережков.

— Пф,— нахмурился Артем.— А я никогда... не трахался. И сразу выпил.

Саша Соколов тоже выпил. Последней выпила подруга Алины.

— Ильвес? Когда ты успела? — спросил он.

— Сашка, отвянь,— она махнула рукой в его сторону.

— Это все твоя дача, я знаю. Совсем от рук отбилась,— Саша Соколов подмигнул ей.

Подруга Алины показала ему средний палец.

— О да, детка, я никогда не против, ты же знаешь.

Она хмыкнула и снова отвернулась к окну.

— Ильвес, а, Ильвес? — сказал Саша.

— Чего тебе?

— Давай теперь ты говори.

— Хм. Ну я никогда не влюблялась.

Никто не выпил, кроме Алины.

Мое сердце забилося быстрее. Интересно, а в кого она влюблялась? И любит ли она до сих пор? Почему-то от этой мысли стало немного грустно.

— Ладно, моя очередь,— сказала Алина.— Я никогда не смотрела порнуху.

Выпили все, кроме нее и Нади Соловьевой. Даже я сделал маленький глоток.

— Вау,— сказал Саша, показав в меня пальцем.— Мы знаа-а-али.

— Ага,— засмеялся Гриша.— Он еще руки под парту прятал. Понятно, почему.

И все засмеялись.

Только мне не было смешно.

— А что ты смотришь? — спросил Артем.— Любишь похотеть, да? Сисястых девочек?

Я почувствовал, как к моим щекам начала приливать кровь.

— Кажется, на кухне был пирог,— сказал я и встал.— Пойду посмотрю.

И я ушел. Открыл дверь холодильника, отгородившись ею от остальных, и прислонился лбом к ледяной полке.

Через двадцать три секунды я услышал, что дверь в кухню открылась, и кто-то вошел.

Мне хотелось, чтобы это была Алина. Я закрыл дверь холодильника.

Передо мной стояла Соня Ильвес. Бледная, волосы черные и глаза очень-очень большие.

— Они придурки, не обращай внимания,— сказала она и улыбнулась.

Я кивнул.

— Я сама только в прошлом году пришла в эту школу. Сначала сложно, потом привыкнешь.

— Спасибо, я уже приходил в новый класс. Я знаю,— ответил я, почувствовав раздражение.

Я достал из холодильника медовый пирог, разрезал его и вернулся к гостям.

В «Я никогда не...» мы больше не играли, потому что они снова начали говорить обо всем подряд. На этот раз я решил тоже поучаствовать в беседе. Но каждый раз, когда я придумывал реплику, тема беседы уже менялась.

Только один раз я успел вставить слово, когда они говорили про вино и его сорта.

— Вино — это круто,— заявил Артем Хвостов.

— Есть легенда, что вино придумала одна придворная дама из Персии,— сказал я.

Все замолчали и посмотрели на меня.

— Она была в депрессии и решила покончить с собой. Она хотела отравиться, выпив со дна чаши сок, который остался от перебродивших ягод винограда. Только она не умерла. Наоборот — весело стало. И депрессия у нее закончилась.

Кажется, это была моя самая длинная речь за... все время, сколько я себя помню.



Сначала гости смотрели на меня, а потом продолжили разговаривать.

Они доели пирог, чипсы и сухарики и выпили одну бутылку виски, а потом разошлись. Я остался и убирал в комнате.

Впервые в жизни я проводил время с одноклассниками, и это оказалось не так страшно, как я думал. Если просто молчать, улыбаться, когда другие смеются, то можно сойти за своего. Общение с людьми оказалось даже приятным.

Это было удивительное открытие.

Оставшись в звенящей тишине пустой квартиры, где еще несколько минут назад звучали чужие голоса, я впервые понял, насколько одинок. Я осознал одну простую, но страшную вещь.

Я хотел, чтобы у меня были друзья.